

## ЭМИГРАНТСКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ В XX ВЕКЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «АРХИТЕКТУРА И ЖИЗНЬ»  
ЗА 1921 ГОД)

Общий высокий уровень профессионализма российских зодчих конца XIX — начала XX века, активная жизненная позиция российской эмиграции в странах пребывания не вызывает сомнений в том, что архитекторы не остались в стороне от созидательной деятельности. «Несмотря на тяжесть окружающих нас условий, — писал эмигрантский журнал «Русский зодчий за рубежом» в 1938 году, — нужно констатировать <...> отрадное явление: русские инженеры, в частности архитекторы, выдвигаются на первые места. Успехи русских архитекторов не являются в виде исключения в какой-либо художественно и технически отсталой стране, а замечаются по целой Европе. Эти успехи нужно признать доказательством высокой художественной культуры у русских архитекторов и редкой способности схватывать и понимать психологические особенности и духовные стремления народов, выражением которых всегда служили все виды искусства и особенно архитектура»<sup>1</sup>.

Однако эта цитата из манифеста «Наш путь и наши задачи», опубликованного в первом номере, далеко не исчерпывает реальную ситуацию. Как маститые, известные в России зодчие, так и молодые, не успевшие достаточно полно реализовать себя на родине, в эмиграции, ради выживания, наряду с архитектурным проектированием занимались самыми разными заказами в областях, смежных с архитектурой. Вели работы на второстепенных ролях, работали простыми техниками, чертежниками. Переквалифицировались в дизайнеров, художников, декораторов. Уходили на преподавательскую работу. Часть из них вообще вынуждены были расстаться с архитектурой.

Подобно другим специалистам, архитекторы, гражданские и военные инженеры, инженеры-строители, техники, инженеры других профилей, для того чтобы выжить, повсюду в эмиграции объединялись в различные общества и союзы, группы и корпорации, федерации и синдикаты. Их статус был сравнительно высоким. Архитектурно-инженерные общества русского зарубежья, так же как в свое время в России, обладали весом и оказывали влияние на общественное мнение.

В разные годы в Китае существовали Союз инженеров полосы отчуждения КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги), Общество русских инженеров в Маньчжурии (ОРИМ), Союз российских инженеров в Маньчжурии; высший технический центр в Шанхае, содружество русских работников искусства Шанхая «Понедельник». В Европе существовали: общество русских инженеров

в Германии, общество русских инженеров в Париже, союз русских инженеров во Франции (СРИФ), союз русских студентов-техников во Франции, объединение русских архитекторов в Праге (ОРА), профессиональный союз инженеров и техников в протекторате Чехия и Моравия, Пражское общество русских инженеров, общество русских инженеров и техников в ЧСР (ОРИИТ), корпорация инженеров-строителей при ОРИИТ, общество взаимопомощи русских инженеров в Нью-Йорке, русское инженерное общество в США, Федерация Союзов русских инженеров за границей. Существовали общества (союзы) инженеров в Латвии, Тунисе, Турции, Греции и других странах.

Многие объединения имели свой печатный орган: журнал, газету, бюллетень, листок, либо выпускали информационные письма, циркулярные сообщения по факту проведения заседаний. Они выходили нерегулярно, порой очень непродолжительно, но в сумме представляют довольно внушительную картину. Сегодня известны журналы «Архитектура и жизнь» (Харбин, 1921–1922), «Русский зодчий за рубежом» (Прага, 1938–1942), «Инженер: Орган Союза русских инженеров в Королевстве» (сербов, хорватов и словенцев, Белград), «Понедельник» (Шанхай), «Бюллетень Союза русских инженеров и техников в Словакии» (Братислава), «Информационный лист Профессионального союза русских инженеров и техников» (протекторат Чехия и Моравия), «Бюллетень Союза русских инженеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев» (Белград, 1924–1934), «Вестник Русского высшего технического института во Франции» (Париж, 1932–1933), «Русский инженер» (Берлин), существуют и другие. Хранятся они в основном в зарубежных архивах (коллекция изданий есть в Славянской библиотеке, центральном государственном архиве, в литературном музее научной литературы в Праге); в России, насколько известно автору, только в Москве (РГБ, Научной библиотеке Федеральных архивов, Библиотеке-фонде «Русское зарубежье»).

В них отражены хроника профессиональной деятельности зодчих, события художественной жизни страны пребывания и мира, результаты архитектурных конкурсов, юридически-правовые нормы в области архитектуры, научные статьи и доклады по инженерно-техническим вопросам, критика архитектурной практики, статистика разного рода и многое другое. Содержат они в небольшом количестве и историко-философские и теоретические очерки об архитектуре разных стран и о русской архитектуре за рубежом. Но, конечно, зодчих больше волновали насущные вопросы выживания: трудоустройства, лицензирования, юридической консультации, новации в технической области.

Особый интерес для исследования проблем русской архитектуры за рубежом представляют архитектурно-художественный и литературный журнал «Архитектура и жизнь», издававшийся в Харбине в 1921–1922 годах, и журнал «Русский зодчий за рубежом», издававшийся ОРА в Праге в 1938–1942 годах, на который была возложена функция связи всех русских архитекторов за границей. Они являются поистине уникальными. Почти все номера «Русского зодчего за рубежом» хранятся в научной библиотеке Федеральных архивов и доступны для изучения. А вот история поиска журнала «Архитектура и жизнь» заслуживает отдельного внимания.

Семь номеров журнала за 1921 г. впервые обнаружены владивостокским историком Е.Ю. Кудиновой в 1996 году в коллекции российских изданий эмигрантского периода в научной библиотеке Харбинского технологического института (бывшего Политехнического института, основанного русскими харбинцами)<sup>2</sup>.

Только в 2001 году автору данной статьи посчастливилось там же ознакомиться с ними. Как и в 1996 году, когда в фонде работала Кудинова, коллекция была не разобрана и не каталогизирована. Ни до, ни после владивостокской исследовательницы ею не воспользовались ни китайские, ни иностранные исследователи. О судьбе и содержании журнала «Архитектура и жизнь» автором делались сообщения не раз<sup>3</sup>. Однако до сих пор остаются неизвестными места хранения остальных восьми номеров «Архитектуры и жизни» за 1922 год, несмотря на все поиски, предпринятые автором в течение этих лет. Единственно установлено, что в 1939 году представитель пражского Русского культурно-исторического музея в Харбине М.С. Тюнин выслал директору РКИМ В.Ф. Булгакову два сдвоенных журнала (№№ 5–6 и 7–8) за 1922 год<sup>4</sup>.

Обнаруженный же российскими исследователями комплект журналов за 1921 год в библиотеке Харбинского технологического института больше не хранится, и куда он передан администрацией библиотеки в 2003 году, неизвестно.

О существовании второго издания — «Русский зодчий за рубежом» — впервые сообщил историк А.В. Кобак в предисловии к статье об архитекторе Н.Л. Маркове<sup>5</sup>. Историк архитектуры Т.Н. Самохина в 2004 году с привлечением материалов этого журнала опубликовала исследование, посвященное истории профессионально-творческих организаций российских архитекторов за рубежом<sup>6</sup>. На эту же тему она сделала доклад на международной конференции «Архитектурное наследие русского зарубежья» (Москва, 2004). Тем не менее, можно утверждать, что даже узкому кругу специалистов оба эти издания практически неизвестны. Между тем, они представляют богатую базу источников по проблемам русской архитектуры за рубежом.

Данное исследование основано на материалах харбинского журнала «Архитектура и жизнь» за 1921 год. Его издание можно с полным правом расценивать как стремление российских архитекторов Китая осмыслить свое профессиональное бытие, идентифицировать свое «я» за рубежом. Для 1920-х годов эта попытка беспрецедентна. Ведь Объединение русских архитекторов в Праге начинает выпускать «Русский Зодчий за рубежом» на 17 лет позже, только в 1938 году. Без сомнения, издательская деятельность в эмиграции в самом начале 1920-х, в самые трудные беженские годы, — свидетельство концентрации архитектурно-строительных сил в Харбине и высокого уровня профессиональной культуры архитектурного сообщества, свидетельство потребности сопричастности к своему «цеху» и воссоздания отечественных традиций, активной деятельности и насыщенной архитектурно-художественной жизни города в целом. Ну и конечно, большую роль сыграл тот факт, что в целом среда русского Харбина благоприятствовала иммигрантам из России, она была культурно подготовлена предшествующими двумя десятилетиями русского присутствия в Маньчжурии в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги.

Вследствие малодоступности копий журнала (и, считай, недоступности подлинника) есть смысл дать ему развернутую характеристику. Редакция журнала находилась в Харбине, редактором-издателем был гражданский инженер Николай Васильевич Никифоров, печатался журнал издательством «Восточное просвещение» при Российской духовной миссии в Пекине ежемесячно. Сохранившиеся номера сброшюрованы в одну книгу и имеют сквозную пагинацию, всего 254 страницы: №№ 1 (январь), 2 (февраль), 5 (май) и сдвоенные 3–4 (март–апрель), 6–7 (июнь–июль).

О редакторе-издателе журнала, Н.В. Никифорове (11 ноября 1881, Ярославль — после 1944) ныне уже многое известно<sup>7</sup>. Закончил в 1905 году археологический институт, в 1912 — Институт гражданских инженеров в Петербурге. Работал в Забайкалье на должности архитектора строительного отделения Забайкальского областного правления, проектировал, преподавал в Читинской духовной семинарии, женском епархиальном училище и Читинском техникуме. Написал диссертацию «Философия архитектуры» и представил ее в Институт гражданских инженеров. Издал курс черчения для высшего начального училища, а также общедоступную историю русского искусства<sup>8</sup>. В эмиграции, где оказался в 1920 году, тоже проектировал, активно писал для своего журнала. Преподавал в Алексеевском реальном училище, на богословском факультете института Святого Владимира (читал архитектурную археологию), возглавлял маньчжурско-русскую строительную контору при БРЭМ (Бюро российских эмигрантов в Харбине). Несомненно, это была яркая и очень талантливая личность (недаром сразу по окончании Института гражданских инженеров он получил за свою учебу лестную оценку Вас. А. Косякова). Задумать и реализовать идею выпуска профессионального журнала — свидетельство его высокого творческого потенциала и немалых организаторских способностей.

Авторами журнала, кроме самого Н.В. Никифорова, больше всех писавшего для своего детища, были инженеры-строители П.Ф. Козловский, Л.И. Корганов, А. Зельницкий, В.Г. Максименко; литераторы Л. Никитин (псевдоним Л.А. Никифоровой, жены издателя), Е. Максименко (обзоры художественных выставок), В. Казанцев, Мих. Васильев (литературно-поэтические обзоры); Скальд (театральные обзоры); авторы под анонимными именами («Зодчий», «Старый библиофил», «Зритель»), а также под не расшифрованными инициалами.

«Архитектура и жизнь» отличается высоким полиграфическим качеством. На мягких обложках, кроме названия на русском, надпись по-латински: «Ars et Labor»; в линейной графике изображены классические архитектурные детали (кариатиды, маскароны, обломы и т.п.) или герои греческой мифологии, или фотоизображения популярных харбинских артистов (илл. 1, 2, 3). Концепция графического дизайна журнала кажется не вполне сложившейся, что в общем-то закономерно на первом году его существования. Однако журналу нельзя отказать в попытке выделиться среди других изданий, зафиксировать свою принадлежность к миру искусства. Многие репродукции, в том числе фотографии, высокого качества; имеются чертежи проектов, в том числе в цвете.

По выходе «Архитектуры и жизни» в свет журнал сразу же привлек к себе внимание критиков. Востоковед и поэт Е. Яшнов опубликовал рецензию в «Русском обозрении» на первые два номера. Он отмечал, что новый журнал позволяет вновь проникнуться «атмосферой мирного художественного труда», «а это так порой необходимо для истрепанных беженских нервов»<sup>9</sup>. В харбинской газете «Заря» отмечалось, что «журнал составлен довольно удачно».

Даже простой перечень архитектурных рубрик, не считая других материалов, вне рубрикации, дает представление о широте и многообразии охватываемых тем: «Харбинское строительство», «Строительная хроника», «Частное строительство», «Заграничная хроника», «В Союзе инженеров», «Панорамы жизни» (обзоры художественных выставок, о творческих союзах Харбина), «Библиография», «Список зодчих г. Харбина», «Справочные цены на рабочую силу, строительные материалы», «Ведомости построек», «Афоризмы» (архитектурные). При сравне-

нии со структурой известного Архитектурно-художественного еженедельника (1914–1916) становится очевидным сходство журналов по рубрикам и последовательности (технический доклад, хроника, библиография, конкурсы, заявления о постройках, иллюстрации).

Сегодня научный интерес представляет и сухая строительная хроника, и списки практикующих архитекторов, и информация о проводимых конкурсах, и заметки о творчестве местных архитекторов, и размышления об облике Харбина, об архитектуре России, о том, какой должна быть русская архитектура за рубежом. На страницах журнала порой освещались архитектурные события и русского Дальнего Востока. Харбинские архитекторы были в курсе проходящих в России конкурсов. Например, в первом же номере дана информация об объявленном профессиональными союзами Владивостока конкурсе на «Рабочий дворец». При этом указывается владивостокский адрес, где можно получить конкурсные условия. Получается, что журнал «Архитектура и жизнь» был доступен жителям и на российском Дальнем Востоке.

Публицистическая статья Н.В. Никифорова «Социальное значение архитектуры», опубликованная в первом номере «Архитектуры и жизни» и уже тем самым претендующая на роль заглавной, обозначающей позиции редактора, направленность и характер издания, посвящена значительной роли архитектуры в формировании социальных настроений в обществе<sup>10</sup>. С одной стороны, по мнению автора, в золотой век Елизаветы и Екатерины II красота архитектуры открывала новые горизонты и грани жизни. С другой стороны, та же красота пробуждала новые опасные настроения и способствовала сословно-классовому антагонизму в обществе: «благородный облик классического здания с колоннами... мог натолкнуть на мысль о какой-то вопиющей несправедливости в построении жизненного уклада. Сила контраста могла заставить еще сильнее почувствовать безотрадность обстановки, среди которой жили и умирали миллионы людей... и потому незаметно день за днем, год за годом, поэтическая красота архитектурных произведений могла способствовать отложению в народной душе грозно мстительных настроений... Вечно тлеющее пламя социальной ненависти потихоньку раздувалось раздражающей красотой архитектурных произведений, находящихся всегда на глазах толпы, не укрытых никакими завесами»<sup>11</sup>. И поэтому неудивительно, как представляется Никифорову, неистовство погромного движения революции 1917 года. «С точки зрения „обездоленных“ красота является преступлением. И за это преступление они карали кого могли и как умели»<sup>12</sup>. Мысли архитектора переходят в философскую плоскость, и это уже размышления не столько об архитектуре, сколько о вечном: красоте, преступлении и наказании... Это напряженные раздумья человека, претерпевшего невероятные тяготы эмиграции из России с семьей, без документов, с отступающими войсками атамана Семенова, вынужденного не жить, но выживать в новой среде. Может быть, в статье нашли отражения какие-то ранее обдуманые положения из его диссертационного исследования «Философия архитектуры», которая остается не обнаруженной.

Н.В. Никифоров считает, что в таких странах, как Голландия, Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, и подобных им, где в общем-то нет архитектурных шедевров мирового уровня, но нет и жалких покосившихся изб с соломенными крышами, и где жизнь идет «средней тропой», держится «в границах умеренности», можно надеяться на долгий и прочный мир. «И пожар социальной

бури никогда не вспыхнет там с такой яростью, как в России — в этой стране чудовищных контрастов и неограниченных возможностей... Русское общество слишком долго и безоглядно упивалось ароматом пышно взлелеянной культуры и не помышляло о той „мертвой зыби“ ненависти, которая колыхалась в низинах жизни. Эта ненависть поднималась все выше, одурманивала сознание масс, отравляла их психику... Великий урок, данный российской революцией всему миру, заключается в завете умерения роскоши, в постепенном заравнивании той пропасти, которая всегда зияла между нищетой народа и красиво обставленной роскошью высших классов»<sup>13</sup>.

Н. В. перефразирует известное изречение «счастливы те народы, у которых летописи скучны» на «счастливы те народы, у которых нет искусства!» И приводит в пример народ буров, разрешивших проблему идиллического счастья: они не имели никакого искусства. «...Можно пожалуй сказать, что искусство по своей сущности, по своим заданиям — антисоциально. В укладе фаланстер Советской России антисоциальность искусства будет умерена всяческими компромиссами в той мере, что оно станет безвредным. Но несомненно, что рано или поздно сытое, осчастливленное полным „равенством“ человечество будет столь же страстно тосковать об утраченной красоте, насколько теперь народные массы ненавидят и преследуют эту красоту». Искусство всегда опиралось и будет опираться на «неутолимую потребность красоты», которая заложена в человеке. «Эта потребность и пробудит его к борьбе за бытие искусства. В катастрофичности социальных потрясений архитектура, которая наиболее способствовала нарастанию социального гнева, обладает большей жизненностью, большей долговечностью своих творений»<sup>14</sup>.

Созидательность, положительный психологический настрой, характерные для деятельной натуры Никифорова, дают ему нравственную опору в новой жизни, страстную надежду на грядущую «эпоху примирения и творчества» после стольких лет «гнева и страданий», «когда в новом оздоровленном строе архитектурная красота быть может станет *достоянием народа* [выделено Н. В.] и потому — очистится от всплесков ненависти»<sup>15</sup>. Конечно же, придание непомерно огромной роли искусству архитектуры в произошедших катаклизмах в России говорит о том, что Н.В. Никифоров был романтиком и идеалистом, а также человеком, глубоко преданным своей профессии, не мыслящим себя вне ее, наивно верящим в социальное преобразование мира посредством этичной (правильной?) архитектуры.

Другая проблемная статья под заглавием «Архитектура и нравственность» отчасти перекликается по содержанию с публикацией Никифорова<sup>16</sup>. Ее автор Е. Ш-г (предположительно, это харбинский архитектор А.Г. Шейнг) считает, что «владельцы домов, при постройке их, меньше всего думают о моральном воздействии архитектуры на нравственность и характер их обитателей...», в то время как человек, на каком бы уровне социального развития он ни стоял, «всегда имеет возможность осветить свою деятельность отблесками эстетических откровений»<sup>17</sup>. По его мнению, архитектура может развивать в человеке инстинктивную тягу к красоте, поэтому нужно «выдвигать и подчеркивать воспитывающую миссию архитектуры», рассматривать ее как источник познания прекрасного. Архитектура же изучается преимущественно со стороны технической и в меньшей степени — с исторической. Автор с горечью заключает, что сейчас в условиях разрухи на Родине, адаптации эмигрантов к новой жизни, когда остро

стоит вопрос элементарного выживания, «не время заниматься отвлеченными вопросами в какой бы то ни было области», и потому «утверждение эстетической миссии архитектуры — дело будущего, того отдаленного будущего, когда потрясенный мир успокоится и тоскующей, наболевшей душой страстно возжаждет прекрасного, тогда *быть может* (точно так же, как и Никифоров, он делает оговорку в выражениях своей надежды) человечество переживет эпоху второго Ренессанса!...»<sup>18</sup> В таком ключе рассуждают и другие авторы журнала.

Две другие статьи, «Владивостокское строительство» и «Русский стиль», сознательно размещенные друг за другом, дополняют друг друга<sup>19</sup>. Автор первой, «Зодчий» (по-видимому, это сам Н.В. Никифоров), считает, что здание железнодорожного вокзала во Владивостоке в неорусском стиле навсегда останется «прекрасным и долговечным памятником эпохи русского владычества на Дальнем Востоке». Однако он сетует на полное отсутствие в Харбине построек в национально-русском стиле и призывает российских архитекторов Харбина обратиться к древнерусскому наследию как живительному источнику творческих поисков и вдохновения: «Теперь, когда все русское загнано, унижено, мысль невольно тянется к погубленной культуре России, к облику ее художественной красоты»<sup>20</sup>. «Зодчий» (Никифоров) не совсем точен, когда пишет, что в Харбине нет ни одного сооружения в русском стиле. Они были, но единицы, и поэтому не составляли ощутимого направления в архитектурном облике русского Харбина.

Н.В. Никифоров в статье «Русский стиль» констатирует, что только в последнее десятилетие (1910–1920), когда глубоко осмыслены основополагающие черты «русского Ренессанса», российским зодчим, как и всему российскому обществу, стала особенно близка и понятна красота древнерусских храмов, их уникальность в мире. Он полагает, что ключом к подлинному освоению древнего русского стиля является его творческая интерпретация в духе нового исторического времени. Древнерусское зодчество «выявило в своей сущности такие яркие, характерные особенности, которые не были ни в одной архитектуре древности», и потому адаптация древнерусского зодчества к современным требованиям является одной из сложнейших художественных задач. «Ясно, что зодчий, желающий сохранить колоритность стиля, аромат его сказаний, должен выработать нечто вроде компромиссного стиля, в котором бы тезисы древности примирились бы с заданиями современности». И далее: «Думается, что если бы естественное течение древнерусского искусства не было насильственно прервано бунтарствующим реформаторством Петра I, то создания современности были бы близки некоторым наиболее продуманным зданиям *модернизированного* стиля»<sup>21</sup>.

В подобных умозаключениях автор не одинок. Мысли о возможности развития русской архитектуры в национально-идентичных формах и в XX веке высказывали и другие архитекторы, волею судеб ставшие эмигрантами. Они, в силу понятных обстоятельств, оказались более способны, чем их коллеги в это же время в советской России, взглянуть на национально-русскую архитектуру как бы со стороны, «на расстоянии», и увидеть в ней то, что, подобно древнерусской иконе, составляет уникальное достояние русской культуры. Но и более того. Они могли открыто обсуждать и развивать эти идеи, публично призывать коллег к осмыслению этой проблемы, обращаться к древнерусской традиции, по крайней мере, при проектировании православных храмов. Известный русский архитектор-эмигрант Н.И. Исцеленнов в своих многочисленных статьях 1950-х годов в парижском «Возрождении» писал о взлете православной архитектуры

России в начале XX века, обусловленном возвратом художественного сознания к древнерусским традициям.

Православные храмы, построенные в России в 1909–1910-х годах (архитекторами В.А. Покровским, М.М. Перетятковичем, С.С. Кричинским, А.В. Щусевым и другими), по его словам, «были наполнены прекрасными образами, частью старинными, частью новой работы по старым традициям. Казалось бы, *мы переживаем эпоху возрождения* (курсив мой. — С.Л.), новой славы древнего русского искусства. Судьба решила иначе. Россия пошла по другим путям»<sup>22</sup>. Эта оценка состояния русской архитектуры в России в ее национально-романтическом проявлении накануне революции 1917 года как подъема, взлета, возрождения справедлива и сейчас.

Размышления Н.В. Никифорова о русской архитектуре в Китае идут еще в одной плоскости, он видит за русским стилем особую миссию: «Здесь, на Дальнем Востоке, воспроизведение русского стиля следует особенно приветствовать, так как оно знакомит Азию с обликом русской культуры»<sup>23</sup>. В этом аспекте его мнение вписывалось в контекст официально-народной идеологии России второй половины XIX — начала XX веков в деле культурного освоения Дальнего Востока, православно-просветительской миссии России в Азии. Однако, это рассуждение философско-теоретического плана. Судя же по практической деятельности архитектурной эмиграции в Китае (и не только в Китае), можно сделать следующий вывод. В массовом профессиональном сознании русских архитекторов за рубежом, по-видимому, отсутствовала осознанная (или интуитивная) установка на проектирование в национально-русском духе. Желания утвердиться в архитектурном ландшафте страны проживания посредством своей архитектурно-традиционной культуры не наблюдается, за исключением сферы православного зодчества. Для творческой русской эмиграции в целом было свойственно осмыслять свою деятельность во взаимосвязи с русской культурой, и архитекторы здесь — не исключение. Однако в отношении архитектуры с полным правом можно сказать то же самое, что и в отношении изобразительного искусства: оно «в силу своей специфики в большей мере вненационально, чем литература, философия или религия, оно меньше нуждается в национальной среде как опоре для развития»<sup>24</sup>. Строительный рынок, вкусы заказчиков и структура заказов, индустриально-технические возможности страны проживания, возможность получить лицензию на самостоятельный архитектурный труд значат для успешной деятельности архитектора больше, чем принадлежность к национальной архитектурной традиции.

«Interieur» — назвал свою публикацию один из самых активных авторов «Архитектуры и жизни» Л. Никитин<sup>25</sup>. Но посвящена она отнюдь не только искусству интерьера. С одной стороны, автор объективно оценивает неотвратимость идей рационализма в современной архитектуре XX века — «пронесшейся бурей разбит и разрушен возникший было культ интерьера». С другой — считает, что все-таки архитекторы обязаны стремиться к созданию «внутренней уютиности, избегая шаблона, скучной, неудобной планировки, ...предоставить даже людям среднего достатка возможность придать своему жилищу отпечаток изящества и своеобразия». Содержательные и эстетические ценности модерна оказываются по-прежнему притягательными. Никитин объясняет происходящее художественное обеднение жилья, утрату индивидуальности, интимности интерьера социально-исторической подоплекой, напрямую связывая эти процессы с



«насильственно-резко» утверждаемой демократизацией общества. В то же время надеется, что «новый строй (в советской России. — С.Л.) ...не будет заставлять граждан жить в коммунистических фаланстерах». Профессиональную тематику Л. Никитин разворачивает к самым насущным, животрепещущим вопросам жизни в эмиграции: «После волны разрушения должна подняться мощная волна созидания... Все скитальцы и изгнанники когда-нибудь вернутся к разрушенным „очагам“, будут вновь восстанавливать их. ...Близок ли этот день — никто не может сказать. Но когда он настанет, то с какой радостью можно думать о том, что Россия станет для всех уютно-радостным „интерьером“ и что этот день даст забвение печали изгнания и... радость обретения Родины»<sup>26</sup>.

Как в этой работе Л. Никитина, на первый взгляд, посвященной конкретному предмету, весьма бытовому — интерьеру, так и в статьях других авторов журнала «Архитектура и жизнь» архитектурно-профессиональные проблемы закономерно переплетаются с проблемами Бытия человека. Разговор об «Архитектуре» неизбежно становится разговором о «Жизни» русских в эмиграции, мечтой о будущем.

Авторы статей в «Архитектуре и жизни» сетуют на «ординарность строительства в Харбине, когда художнику трудно проявить себя, трудно найти применение богатого запаса своих творческих возможностей», сетуют на недооценку своего труда. Тем не менее, сегодня можно констатировать, что русские зодчие в обстановке скудости средств, бытовой неустроенности, ограничении права на труд, трудности адаптации к чужой среде смогли не только продемонстрировать миру свою профессиональную состоятельность, но и подняться на уровень осмысления собственной деятельности, роли архитектуры в произошедших в России событиях, анализировать и извлекать уроки из архитектурной жизни, размышлять о судьбах архитектуры в XX веке и миссии русской архитектуры за рубежом.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Наш путь и задачи // Русский зодчий за рубежом. Прага, 1938. № 1. 25 января.
- 2 Кудинова Е.Ю. Русские в Китае // Вестник ДВО РАН. 1996. № 5. С. 130–133. Кроме Е.Ю. Кудиновой, обнаружившей местонахождение журнала, на «АиЖ» указывает А.А. Хисамутдинов. См.: Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. Ч. I. Русские в Китае. Владивосток, 2000. С. 320.
- 3 Лёвошко С.С. Русская архитектура Китая: проблемы изучения // На сопках Маньчжурии. 2002. Февраль–март. № 93. С. 6; Она же. Журнал «Архитектура и жизнь» в архитектурной историографии русского Харбина // История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 128–133; Она же. Архитектурная жизнь Харбина (по материалам харбинского журнала «Архитектура и жизнь») // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества: Материалы третьей международной научно-практической конференции. Владивосток, 2003. С. 76–85; Она же. «Архитектура и жизнь» в Харбине — первый профессиональный журнал русских архитекторов за рубежом // Доклад на VI международной научной конференции «Книга в России». СПб., 29 ноября — 1 декабря 2004. (Секция 2. Книга и общество) и другие.

- 4 ГАРФ, ф. 6784, оп. 1, д. 10, л. 212.
- 5 *Марков А.Н.* Архитектор Марков — строитель Тегерана. Предисловие А.В. Кобака // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. 1995. С. 453.
- 6 *Самохина Т.Н.* Из истории профессионально-творческих организаций русских архитекторов за рубежом // Вопросы всеобщей истории архитектуры. М., 2004. С. 240–243.
- 7 *Крадин Н.П.* Н.В. Никифоров — издатель архитектурного журнала в Харбине // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. Вып. 5. С. 268–274.
- 8 ГАХК (Государственный архив хабаровского края), ф. 830, оп. 3, д. 602.
- 9 Цит. по: *Николаев Д.Д.* Русское обозрение // Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940. Периодика и литературные центры. М., 2000. Т. 2. С. 406–407.
- 10 Архитектура и жизнь. Харбин, 1921. № 1. С. 10–13.
- 11 Там же. С. 11.
- 12 Там же. С. 12.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 18.
- 15 Там же.
- 16 Архитектура... Указ. соч. № 6–7. С. 207–209.
- 17 Там же. С. 207–208.
- 18 Там же. С. 209.
- 19 Там же. С. 203–207.
- 20 Там же. С. 203.
- 21 Там же. С. 206.
- 22 *Исцеленнов Н.И.* О русской иконописи // Возрождение. Париж. 1955. № 39. С. 12.
- 23 Архитектура... Указ. соч. С. 206–207.
- 24 *Лейкин О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья. 1917–1939. Биографический словарь. СПб., 2000. С. 11.
- 25 Архитектура... Указ. соч. № 1. С. 21–24.
- 26 Там же. С. 24.